

Пан колдун

Contents

От автора	1
1	2
2	6
3	9

От автора

Как-то познакомившись с историей о пане Твардовском, рассказанной в подробной и любопытной статье, полулегендарном персонаже из польского фольклора времён Великого княжества Литовского, считающемся также прообразом знаменитого Фауста, я понял, что из неё, при должном подходе, может выйти отличная мистическая фантазмагория в духе «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Вия» многоуважаемого мной Николая Васильевича Гоголя. Мне всегда были интересны подобные произведения и жанр, но до сих пор не представлялось возможности попробовать себя в их написании. И вот рассказ о Твардовском захватил моё воображение, надеюсь, достаточно, чтобы передать свои впечатления наилучшим образом.

Поэтому хочу представить Вам на суд, дорогой читатель, мой вариант рассказа об этом выдающемся польском маге и алхимике, где я отчасти буду отсылаться к материалам, что мне удалось найти, и отчасти проявлю некую вольность в пересказе для художественного удобства и большей самобытности и оригинальности, что-то изменяя и дополняя. Для повествования я выбрал не самый привычный, быть может, стиль, желая показать историю с двух разных ракурсов, с другой стороны, делая всё слишком привычно, ничего нового в литературе не откроешь и развитие её рискует вовсе прекратиться, что, как

мне видится, остановит и развитие самого человека. Но вряд ли маленькое самоуправство и опыты сильно испортят повесть о столь занимательном персонаже и чудесах, которые ему приписываются.

Напоследок хочу отметить, что не старался сильно ударяться в историческую достоверность, указывая точные годы и тому подобное, тем более оправданием мне служит факт, что про самого Твардовского (всё же отчасти легендарного героя) не так много известно, а что-то наверняка и вовсе было додумано. Скажу лишь, что события умещаются в период между серединой шестнадцатого и серединой (ближе к началу) семнадцатого столетий. И я старался придерживаться этих рамок, заодно соблюдая более подходящую стилистику. Впрочем, это не настолько уж значимо, когда речь идёт о хитром волшебнике, обманувшем смерть и обводящем вокруг пальца самого дьявола.

1

Немало известно человечеству историй, как давнишних, так и сравнительно недавних, про людей, продававших самую душу свою ради власти, богатства или секретов колдовства, предавая сатане то, что, казалось бы, дороже всех богатств мира. Но нам далеко ходить за ними без надобности, поскольку мне довелось знать одного такого человека – пана Твардовского. Не скажу, чтоб мы были друзья или хорошие знакомые, но несколько раз наши пути пересекались, когда мне приводилось по службе (а я – историк, состою при архиве в Варшаве, порой получается и лекции читать в местных университетах, но это реже, а по надобности писарем работаю) бывать в Кракове, где самые невероятные истории о местном чародее ходили на каждом базаре и при каждом приходе. Что ни случись: хоть гроза грянула средь ясного неба, хоть пан епископ ногу подвернул – Твардовский виноват, кто же ещё! Я бы, пожалуй, этим сплетням не поверил, да и большинство считаю бабьим трёпом по сей день, только вот мне привелось самому наблюдать кое-чего, что просто так не объяснишь, а иное вовсе не получится, как ни старайся.

А началось всё с того, что потребовалось мне отправляться как раз в Краков по поручению: надо было переписать некоторые важные старинные книги, хранящиеся в королевском дворце, с дозволения самого Великого канцлера литовского и копии доставить обратно. На всё про всё сроку мне дали примерно четыре недели, но с оговоркой, чтобы лучше

потрудился усерднее и воротился пораньше. И всё-таки я решил воспользоваться случаем, да навестить моего давнего товарища, пана Веслава Потоцкого, ныне крупного купца в Кракове, поскольку мы давно не виделись, с самой ученической скамьи всего-ничего пересекались, больше поддерживая связь перепиской. А уж коли мне всё равно надлежало побывать в Королевском городе по государственным нуждам, чего бы не совместить? Хоть мне сравнительно близко было ехать туда из родной Варшавы, не так часто освобождался я от службы, а даже если и оказывался, задержаться в резиденции нашего славного короля Сигизмунда Августа не получалось, так что я с охотой принял предложение и известил приятеля.

Предоставили мне для поездки большую бричку с крытым деревом кузовом, угрюмый сонный кучер покуривал на козлах и был абсолютно безразличен. От прочих сопровождающих я намеренно отказался, предпочитаю, знаете ли, работать в тишине и спокойствии, да без лишних персон, нависающих над душой. Ко всему это не писалось с моими планами. Дорога, занявшая пару дней с перекладными, не показалась особо утомительной, наверное, радость грядущей встречи и смена уже поднадоевшей обстановки сыграли свою роль. Да и природа располагала к радости, скрашивая дорогу и разбавляя однообразие пейзажей. Стояла середина апреля, припозднившийся снег кое-где ещё притаился под тенистыми кустами, однако воздух уже наполнился свежестью, восторгом, свободой пробудившейся природы и птичьим щебетом самых разных тонов. Веслав намеревался встретить меня заранее в посёлке Калише, лежащем аккурат между Краковом и Варшавой, только чуть в стороне от главной дороги, где располагал небольшим имением, тут он предложил мне ненадолго погостевать.

Подъезжая к Калишу, я прямо оживился, всё поглядывал в окно на катящиеся мимо повозки с пассажирами или товаром, переправляемым из дальних Воеводств. Облака, подрумяненные разгорающейся зарёй, стояли сплошной стеной, напоминая заснеженную горную цепь. Горизонт затянуло утренним туманом, в котором тонули ждущие плуга нивы и едва различимые крыши далёких хуторов. Мы остановились возле станции, тут я и распрощался с извозчиком, отсыпав ему немного монет на пиво, пусть он и был казённый – пускай порадует. Веслав появился не сразу, я с полчаса ждал его, осматривая разросшийся город со стороны. Наконец увидел я знакомую фигуру, сходящую с двухместной повозки, как ни странно я сразу признал меня и он, судя по расплывшейся по округлому лицу улыбке, также угадал своего приятеля Пшемека

Тодоровского.

Я рад был видеть друга после долгой разлуки. Кажется, с той самой студенческой скамьи мы ни разу не виделись, хоть на деле каждые два-три года пересекались в Варшаве, откуда оба были родом и один раз, спустя, правда, изрядный срок – в Кракове. И эти годы почему-то показались вечностью, загруженные однообразной работой и житейской суетой. Тридцатилетний, весёлый, краснолицый и широкоплечий бородач, он ничуть не изменился с нашей последней беседы пять или, быть может, шесть лет назад. Разве только лицо стало обширнее, да усы длиннее. Для своего возраста Веслав сумел раскрутить семейное дело так, что оставалось сидеть с бумагами, да подсчитывать доход от торговли, отец, передавший ему фамильные сбережения и опыт, должно быть, гордится им неопишимо, отойдя на покой.

– Здорово, пан историк! – приветствовал он меня, крепко обняв.
– Давно же мы не виделись! Ничего, вот доберёмся до моей усадьбы, я тебя таким пивом угощу! Заодно повыплёвываешь свою книжную пыль на свежем воздухе.

Отпустив извозчика, на котором приехал, вперёд, Веслав предложил пройти пешком. В конце концов, природа уже созрела, повсюду кусты в юном цвету начинают благоухать, тучные скворцы прыгают по изгородям весёлыми компаниями, а воздух полон тех ароматов, что неизменно сопутствуют наступлению весны, хоть сложно бывает сказать, что же их испускает. Калиш заметно вырос с моего последнего визита (да и был-то он всего один), также по дороге в Краков, где должны мы были с Веславом встретиться, домов понастроили, костёл обновили, что не узнать, дорога шире стала и по ней телеги так и снуют. Каждый мужик, завидев купца, шапку обходительно стягивает, даже сухонький ксёндрз поклонился, Веслав ему в ответ. Уважаемый человек, видать, стал, да и чего удивляться. Купцу самому хорошие дороги нужны, вот он их, надо знать, и кладёт, помогает. Пока шли, друг без умолку рассказывал, как живёт, да как торгует, да какие в Кракове новости и что за жена у него умница да красавица. Так по главной улице бредём, толкуем о разном, и тут навстречу старик выскочил, как разбойник из лесу. Дикий такой, волосы чуть не до пупа, глаза бешеные, а сам – ровно скелет. Зыркнул на нас, будто со злобой, и побрёл поперёк дороги, будто заблудился. И так к каждому встречному подойдёт, нависнет, потаращится требовательно и дальше шагает.

– Ишь, – говорю, – однако у тебя тут какие крестьяне водятся. Кого это он ищет, корову что ли украли у него?

- Этот не из калишских, - тихо так отвечает Веслав. - Давай мы, Пшемек, до хаты дойдём, я тебе расскажу кое-что, - а потом старику кулаком погрозил и крикнул: - Эй, *głupiek*¹, ты бы катился отсюда, пока я мужиков не кликнул, они тебя быстро дубинами научат, как честной люд донимать! Всё, пойдём, зачастили к нам такие чудаки, сейчас расскажу, - добавил он, посмотрев на дикаря через плечо.

Тот зло поглядывал в ответ, однако увещевания сработали. Бормоча чего-то поплёлся он к ограде, перелез через неё, как змей какой, и дальше к лесу.

Странные слова приятеля меня заинтересовали. Мы поспешили к дому о двух этажах, выстроенному чуть ближе к окраине посёлка. Не хотел купец, чтобы ему шум с улицы мешал работать и отдыхать, вот и построился поодаль, поближе к птичьему пению и шелесту листьев за окном. Ладный домишко, с алькежами² по бокам и маленьким портиком у крыльца. Ни дать, ни взять шляхтич живёт! Вокруг кусты, яблони зацветают, дорожка тянется, камнями выложенная, и даже прудик небольшой специально вырыт, а рядом с ним беседка. У ворот уж кучер дожидается хозяина, ему ведь нас в столицу вести. Травинку мусолит, лясы с дворней точит, а на пороге усадьбы нарядный седой мужичонка стоит и нам машет.

- Распорядись-ка, Дорофей, к столу накрывать, да пива пусть принесут с погреба, - велел Веслав, проходя мимо мужичка. Тот главный по дому и над прислугой был или как-то так. Одет наряднее прочих, солиднее держится, важнее.

- Всё будет, пан, всё будет, - затараторил тот и скрылся.

Вскоре мы уже сидели за столом, накрытым наскоро, чем бог послал: тут и осетра поставили, и икорки, и перепелов жареных. Затем толстенький бочонок пива поднёс нам босоногий мальчишка и мы начали встречу отмечать. Подвыпив малость, Веслав завёл рассказ, как обещал.

- Старика-то помнишь? Вот он недавно к нам приехал, кто говорит из-под Кракова, кто - откуда-то из Катовице, оно и не важно. Видел рожу его? Местные считают, он сумасшедший, хочет дьяволу душу продать.

- А он у вас тут что ли торгует? - засмеялся я.

- Будет тебе, Пшемек. Не слыхал ли ты про пана Твардовского?

- Да что-то иногда болтают на рынках, да я так и не смогу пересказать. Вроде, он важный землевладелец в Кракове, если не путаю.

- А вот знаешь ли ты, что где-то тут неподалёку якобы чёртово место есть, где он, по словам крестьян, свою душу заложил? Теперь сюда иногда заявляются такие вот полоумные. Этот леший не первый уже, а может и до Твардовского были, этого не знаю. Раз уж земля тут заколдованная.

- И правда заложил? - удивился я. - Да не может такого быть.

- Знать не знаю, - в ответ Веслав. - Вряд ли, конечно, но человек он престранный, я с ним лично знаком по некоторым делам. Будем в Кракове, может встретимся. Я, по правде, вообще мало к такой болтовне прислушиваюсь, а вот что про него в народе поговаривают...

Тут друг мой сделался серьёзным, пододвинулся ближе, так что свет от свечей на краю стола замаслил его лицо, набросав теней на нос и под глаза. И пересказал он мне следующую историю...

2

«Никто толком не скажет, когда появился в Кракове пан Твардовский, я в том числе. Одни утверждают, будто семейство Твардовских всегда где-то неподалёку жило, просто не любило на публике появляться, другие, что приехал он из Европы, где учился в разных университетах. А нынче столько всяких выдумок насочиняли, что и правда, чёрт ногу сломит. До того доходит, что ему тысячи лет жизни приписывают. Однако, этот самый пан Твардовский и правда слыл мужем учёным, хватался за всякие науки и умудрялся во всех преуспеть, было время, он даже сам учил в краковских заведениях, и студентов у него каждый раз собиралось - пруд пруди. И вот вроде бы столько знает человек, а никак не унимается, так что всегда ему мало было. Хотел всё дальше и дальше подняться, прямо все знания мира впитать, можно подумать, каждую науку наизусть выучить и внести в неё вклад. Ездил куда-то за старыми книгами, искал тайных знаний, чуть ли не на Восток отправлялся, но тут я без понятия, не спрашивай. Нередко его видели в компании старого раввина, который ему всякие циферки да знаки показывал. Днями и ночами читал пан толстые фолианты на железных замках и в одном из них, как народ говорит, нашёл, способ, как можно вызвать самого дьявола.

Хоть Твардовский никогда не расставался с ветхим молитвенником, доставшимся в подарок от матери (я сам видел у него эту книжицу), страсть постигнуть то, чего никакому смертному не под силу, перевесила благие мысли и христианские благодетели,

надумал он дурное дело. Неподалёку отсюда место лежит, я говорил уже, Кшемёнкой зовётся, там есть мрачная чащоба, куда колдун и отправился. Уж не знаю, в какой книге он узнал, будто дьявол эти края любит, кто ж эту погань поймёт, только вот именно здесь ритуал следовало проводить. В тёмную глухую ночь забрался пан Твардовский в пущу, начал свои круги чертить, да слова тайные говорить. И что ты думаешь – вызвал ведь проклятого! По крайней мере, так тебе каждый второй краковчанин скажет. Не знаю, честно покаюсь, откуда всё это всплыло, может сам колдун не стесняясь хвастался, или же его слуга кому выболтал. Только дальше по легенде вот что случилось...

Разверзлась твердь в заколдованном круге, выполз из дыры сатана весь чёрный, рогатый, с крыльями, в шерсти и чешуе, вонь стоит, что в свинарнике. А колдун не струсил, напротив, нагло так ему говорит, дескать, готов с удовольствием душу заложить ради почестей, славы мирской и знаний запредельных. Нечистый только рад, решил: «всё, мой теперь этот учёный дурак!». Ан нет, пан наш не так прост оказался, ещё и сам условие поставил: дьявол ему служит ровно семь лет с этого момента, даёт свои мрачные силы и во всём оказывает поддержку, а потом за уплатой души пускай изволит явиться в город Рим, куда и должник подъедет ровно к сроку. И обязан сатана будет ко всему прочему исполнить три его последних желания.

Озадачился окаянный. Не так часто ему пытались голову морочить, да больно заманчивая душа у Твардовского была. Не просто крестьянин какой или даже воевода. Как-никак муж, знанием умудрённый и большой силой могущий обладать. Такой один сотни стоит, да ещё и добровольно в когти лезет. Решил, короче, сатана рискнуть, хочет в Вечном городе рассчитываться пан, так тому и быть! Куда лукавому не забраться? Дальше, как положено, пустил Твардовский кровь из пальца на левой руке, поданный ему цирограф³ подписал с охотою, дьявол и скрылся, пустив облако серы.

Дальше народ рассказывает, как воротился пан Твардовский в Краков, только ступил в пределы городские, на каждой колокольне да на каждой церкви сами собой зазвонили колокола, да так тоскливо, будто важного шляха хоронили. И этот перезвон настолько сильно на нервы пану действовал, что мочи никакой терпеть не было. Он у всякого встречно человека спрашивал, кого же такого ясновельможного хоронят, что весь Краков на ушах стоит (он-то не сразу понял, что колокола сами перезвонят). Никто сказать не может, сами перепугались. Тут

уж до колдуна дошло – по нему звонят, по пропавшей душе христианской.

Рассердился Твардовский, как гаркнет на всю улицу: «замолкните вы, проклятые!», так все верёвки и оборвались, колокола попадали. Вот такую силу нечистый пану подарил. Правда то или выдумки, не мне судить, я в те времена далеко от родного гнезда был, торговал. Так вот, с тех пор ходят слухи, что всякого рода грешники пытаются такую же сделку заключить, да мало у кого удаётся. Вот к нам и заглядывают порой бродяги да безумцы. Уж их даже велено хватать было, но ты попробуй ещё – их тоже словно нечистый бережёт.»

– И что, неужели правда всё? – спрашиваю, как замолчал Веслав.

– Ну, то что дураки по лесам лазают – это верно! – расхохотался подвыпивший купец. – А про Твардовского... Один Господь, поди, знает. Рассказывают разное, но лично я особо не замечал за ним чертовщины всякой. Наверняка знаю – учёный он действительно славный и много чего знает в разных областях. И математик он, и геометр, и в растениях разбирается и природные явления предугадать может. А уж в деле медицины вообще иному наиболее образованнейшему лекарю нос утрёт так, что и платок больше не понадобится. Зелья свои, настойки и снадобья за кругленькую сумму продаёт, зато оно того стоит. Никто не жаловался. Да потом проще к пану волшебнику сходить за чудесным лекарством, чтобы потом бегать, как мальчишка, чем тебя наши эскулапы пиявками облепят, ха-ха! Да что там, завтра будем в Кракове, сам увидишь и пана, и, быть может, его умения.

– А что, можно ли будет посетить то зачарованное место по пути, коли оно рядом совсем? – спрашиваю, то ли хмель в голову ударил, то ли интерес научный, а то и всё сразу. Вот и добавил: – Мне, как историку и любителю всяческих баек, занятно будет хоть глазком глянуть.

– Можно, отчего ж нет? – развёл руками Веслав. – Чуть от дороги отойдём, но это ничего. Если время, конечно, останется, ну да мы не сильно ведь спешим. А пока давай отправляться на боковую, Дорошка тебе уж постель накрыл.

Я даже не заметил, как за рассказом о пане колдуне вечер наступил. Верно, прямо-таки колдовство! За окном уж небо посинело, становясь темнее с каждой минутой. Холодом потянуло из прихожей, где через дверь постоянно на двор и со двора сновали слуги, а вдалеке тоскливо заухала ночная птица. На том мы и разошлись. Поднявшись на второй этаж веславских хором, я с трудом стянул одежду и поплёлся

умываться. Крепким оказалось пиво, что варили у друга моего в хозяйстве. Так только до кровати и дополз, сразу же провалившись в сон.

3

На следующее утро мы встали пораньше, надеясь к полудню прибыть на место, но отъехать-таки не удалось. Распорядилась судьба несколько иначе. К Веславу ни свет, ни заря пришли люди, нанятые им для доставки закупленного груза, сообщили, что обоз с товаром, возвращавшийся из Чехии и должный встретить владельца на подъездах к Кракову, задержался на дороге из-за поломки колеса, из-за чего идущие следом телеги также сошли с тракта и увязли в канаве на обочине. Просили пана лично прибыть и прислать работников, поскольку им самим не платили за такую возню, но друг мой отказался куда-то ехать, бросая меня одного в незнакомых краях, так как, хотя и купец, оставался человеком чести, да простят меня все честные купцы. Так или иначе дело затянулось на несколько часов: пока снаряжали мужиков, пока обсуждали оплату за задержку, пока шумели да выпивали за успех предприятия, солнце поклонилось к горизонту, закончилось всё аж к вечеру. Целый день я промаялся без особого занятия, сожалея о потраченном времени.

Прежде чем отправляться, товарищ предложил мне выпить с ним на дорожку пива – ему для успокоения нервов (а он действительно потратил их немало на препирательство и ругань с работниками), мне, чтобы не расстраивался да взбодрился. Сказано – сделано. Пока мы таким образом «успокаивались», прошёл ещё час, уже и извозчик нас спрашивать стал, когда едем. Он сам засыпать начинал, а впереди дорога не самая короткая, надо будет и лошадей хоть раз поменять. Веслав сказал, что забыл кое-чего из дому забрать и пропал минут на десять сверху.

Я уже ждал приятеля в бричке, клюя носом на мягком сиденье, он забрался, запыхавшись и раскрасневшись. Что он такого важного позабыл, он объяснить не стал. Но стоило нам тронуться в путь, как купец быстро расслабился и принялся рассказывать мне об истории зданий, возведённых в последние годы, да о местах, что мелькали за окнами. Правда с подпития он так мямлил, что я мало чего из этой экскурсии понял, да и запомнил, ибо сам... Не отъезжая далеко от Калиша, сказал он кучеру свернуть на неухоженную дорогу южнее города,

ведущую к лесу.

- Чего же панове решили в такую глушь средь ночи ехать? - поинтересовался тот с подозрением.

- А ты панов-то не учи, не учи, - бодро пожурил его Веслав, размахивая руками. - Не видишь, желаем воздухом лесным подышать, головы прочистить.

Проехали мы сколько-то и встали возле полянки у леса, дорога дальше к основному тракту загибалась, а в сторону от неё шла узенькая тропка. Было абсолютно безлюдно: ни тебе брички, идущей в город, ни припозднившегося крестьянина. Глушь да тишь. На небе месяц блестит, как сабля серебряная, звёзды рассыпались и светят холодно и колюче. Вышли мы из кареты, стоим, по сторонам поглядываем, будто ждём кого-то.

- Пан историк хочет «заколдованное место» глянуть, - сказал кучеру Веслав, закрывая за собою дверцу. - Мы быстро метнёмся туда-обратно, так что не зевай.

- Бог с вами, пан, зачем же? - перепугался мужик, да давай креститься.

Мы лишь посмеялись его суеверию, под хмелем нам это особенно забавным показалось, хотя знай тогда мы, как сами со стороны должны были смотреться, верно не потешались бы. Хотя признаюсь по чести, иди в лес под сумерки оказалось малость страшновато, пускай я и не один. Товарищ уверял меня, что разбойников тут не бывает, они-де тоже колдунов и чертей боятся, а те, кто и не боится, уже давно на виселицах болтаются. Косолапя, как хромые медведи, попёрлись мы по тропке, едва различимой в высокой траве. Она почти не хожена, а чем дальше забредаешь, тем тоньше и сильнее смазанной становится. Дошли до леса и встали, как перед воротами большого города. Веслав руки в бока упёр и оглядел дремучую чащу с таким видом, словно смекал, какую из неё пользу извлечь можно, затем кивнул мне и шагнул между стволов двух высоченных сосен, что по виду прямо входную арку образовывали.

Встретили нас стоящие стеной мрачные деревья. Тут и те же сосны были, и ели, и редкие бледненькие берёзки или вдруг выплывал из мрака могучий дуб с потрескавшейся корой, на которой точно бы лицо проступает. В верхушках их раздавалось далёкое уханье совы и беличьё щёлканье. Шли мы осторожно, как будто крались по чужим владениям, опасаясь растревожить хозяина, дорожка почти полностью пропала, только кое-где проплешины видно, приходилось двигаться по наитию. А как вошли в Кшемёнскую пущу, так словно тишина опустилась. Мы

сразу поняли, куда угодили, поскольку на деревьях вокруг были символы загадочные вырезаны, да так давно, что уже совсем посерели, а под ногами захрустели косточки мышьиные и птичьи. Я малость струхнул, а Веслав только подтрунивает:

- Это тебе, брат, - говорит, - не в книгах копать! Да ты не дрожи, людей тут не бывает, зверьё от выстрела из пистоля разбежится (а пистоль всегда при нём был, на всякий случай, может, за ним друг и бегал тогда?), а на нечистого у нас молитва есть и святое распятие, ха-ха!

Не сильно-то верил купец во всякое такое, да и я, честно сказать, тоже. Хотя теперь вот мог и передумать. Мало мне смешного показалось в той ситуации, но только уже живой интерес так и манил посмотреть, чего же дальше будет. Может оно глупо, конечно, да такое бывает иногда - вроде знаешь, что не стоит лезть, а лезешь.

Ну, продрались мы сквозь кусты, чувствуя себя немного глупо, и вышли к краю лысого бугорка, рядом с которым не то прудик маленький, не то болотце. Со всех сторон деревья подступают, одна эта «лысина» пустует, словно специально расчищена. Сразу прямо-таки не по себе стало. И тут слышим голос из чащи, как будто ветка сухая скрипит. Замерли, сидим, точно два зайца. С одной стороны, убежать подмывает, с другой - сила неведомая держит. Вот выходи из лесу старик тот самый, который нам в Калише повстречался, воет, как блаженный, палкой перед собой в землю тычет. Подошёл он к болоту, да давай на нём круги своей орясиной чертить, и там, где конец прошёлся, огонь вспыхивает. Затем вдруг замер, продолжая открытым ртом скрипеть, как деревце на ветру, повернулся в нашу сторону, а у него глаза сплошь белые.

Как мы дёрнем оттуда, не сговариваясь, едва ноги себе все не переломали. У брички уж кучер наш стоит, бледный, испугался не на шутку - пропали паны, а спрос с него. Решат ещё, что убил да обокрал. А как увидал, что мы несёмся, будто за нами все силы ада гонятся, так и запел «Отче наш» на всю округу.

Мы ввалились в бричку, купец рукой извозчику махнул, а лошади и сами с места рванули, даже подгонять не пришлось. Пыль до небес поднялась, мы сидим, глазами хлопаем с перепугу, никак в себя прийти не можем. Наконец Веслав чуть отдышался и говорит:

- А чего это мы, пан историк, так опростоволосились? Небось, он с факелом пришёл и траву жёг, а не воду. Перепили - вот и померещилось. Уж дали мы дурака!

- Да разве был у него огонь? - спрашиваю. - А что, может, правда был. Какие только штуки воображение с человеком не выкидывает.

Даже посмеялись над происшествием и над собою заодно. А как до Кракова добрались ближе к утру, отоспались в бричке, вовсе о нём позабыли. Я записывать ничего не стал, чтобы на смех не поднимали, самому неловко было вспоминать. Только занёс в книжку интересные факты о Калише и о пуще Кшемёнской. Ехали долго, но так в сон тянуло, что даже смену лошадей проспали и поесть не удалось на придорожной станции. Проснулись только у ворот Кракова от шума колёс и гомона голосов. Время было раннее, но стольный град уже вовсю бодрствовал, а из-под колёс то и дело выпрыгивали с разъярённым гавканьем бродячие собаки. Ехали мы то узкими улочками, заставленными сплошными выбеленными стенами, притуленных друг к другу домов с красными крышами, похожими на коридор лабиринта, то просторными площадями, по которым взад-вперёд грохотали повозки от маленьких двуколок, до больших гружёных древесиной или мешками с соломой телег. Фонарщики, закутавшись в серые сукманцы⁴ и нахлобучив меховые шапки (ибо поутру бывало ещё прохладно), ходили вдоль мостовых по бокам от просторных улиц, гася фонари, затмеваемые уже восходящим над розовеющими в рассвете башнями и колокольнями солнцем. Веслав заворочался, засипел, потом обернулся ко мне.

- Давай-ка, Пшемек, мы сперва в корчму завернём, - предложил он, чуть погодя. - Я с дороги подустал и проголодался, а дома пока всё подготовят. И так, почитай, весь день не евши, не пивши. До Старе-Мяста мы так не скоро дотащимся, и околеть недолго, хе-хе-хе.

- Чего ж не зайти, - потёр я живот. - И то верно говоришь.

Остановились мы перед значительным домом, из маленьких окошек заманчиво лился рыжий маслянистый свет, в воздухе пахло свежесвеженным хлебом и жареным мясом, даже с улицы ароматы чувствовались так ярко, что слюнки текли. Над дверями красовалась резная вывеска в форме гербового щита, лениво покачивающаяся на слабом ветерке, на ней золотыми красками начертано было изображение гордо вышагивающего, высоко забросив ногу, коня, а под ним надпись изящная: «Złoty gumak»⁵. Друг мой объяснил, что корчма эта - важное место, сюда не брезгают заглядывать даже местные сотники и прочие солидные персоны. Бывают шляхтичи, гусары и так далее, короче мы там даже скромно поглядеться будем. Хотя у входа, словно бы пытаюсь развеять пышные слова приятеля моего, нас

встретил вовсе не сотник, а осёл, бродящий туда-сюда, как будто ничейный.

- А что? - заметив моё недоумение, спросил Веслав. - Осёл - животное гордое, хоть его и зовут упрямым, ха-ха!

Скрипнула толстая дверь, и меня втянуло внутрь потоком аппетитнейших запахов пищи, против которых не могло уже устоять моё голодное нутро.

Полная версия на Ridero https://ridero.ru/books/pan_koldun/

1. Дурак, дурачок←
 2. Алькеж (польск. alkierz, старопольск. alker, родственное — альков) — в архитектуре угловая обособленная часть здания, сильно выступающая снаружи за плоскость стен.←
 3. Договор←
 4. Или сукман - славянская верхняя мужская и женская одежда для весны и осени из домотканого сукманного сукна.←
 5. «Золотой скакун»←
-

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>